

07.00.02
3

На правах рукописи

Федоров Алексей Николаевич

**ФУНКЦИИ И КАДРОВЫЙ СОСТАВ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ УРАЛА
В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Челябинск – 2006

Работа выполнена на кафедре истории России Южно-Уральского государственного университета

Научный руководитель -- доктор исторических наук, профессор
Сибиряков Игорь Вячеславович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Толстиков Виталий Семенович

кандидат исторических наук, доцент
Шубарина Любовь Васильевна

Ведущая организация – Челябинский государственный
агроинженерный университет

Защита состоится 17 ноября 2006 г., в ____ часов, на заседании диссертационного совета КМ 212.298.02 при Южно-Уральском государственном университете (454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, ауд. 244).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Южно-Уральского государственного университета.

Автореферат разослан « ____ » октября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.И. Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

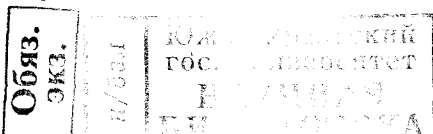
Актуальность исследования. Начавшиеся в 1990-е гг. в России социально-политические и экономические преобразования способствовали становлению новой системы институтов власти. Попытки организовать ее по образцу западноевропейских стран натолкнулись на серьезные трудности, что привело к поиску модели власти, в которой больше бы учитывалась специфика российского общества и государственности. Эти обстоятельства усиливают интерес к советскому периоду истории нашей страны.

В последнее время ученые немало уделяют внимания изучению природы советской власти, эволюции партийно-государственной бюрократии. Исследователей привлекают периоды генезиса (1920-е – 1930-е гг.) или кризиса (вторая половина 1960-х – середина 1980-х гг.) административно-командной системы. Однако становится ясно, что необходимо исследовать и первые послевоенные годы, которые были переломным временем. Кроме того, проблема функций и состава органов власти на местах, вопросы взаимоотношения центра и регионов до последнего времени изучались редко.

Изучение изменений в деятельности местных, прежде всего, партийных органов в период «позднего сталинизма», выявление имевшихся тогда альтернатив развития системы власти, по существу, только начинается. Урал для исследователей данной темы представляет исключительный интерес. В годы войны он приобрел значение основной индустриальной базы страны, в силу чего высшее партийное руководство уделяло ему пристальное внимание. В послевоенные годы уральские парторганизации поставляли кадры центру и другим регионам, активно отстаивали свои интересы перед ЦК, пытались найти собственные варианты решения многих проблем. Изучение опыта их работы позволит проследить взаимосвязь высшего и регионального уровней власти в нашей стране на крайне важном этапе ее истории.

Историография проблемы. В отечественной историографии проблемы можно выделить два периода: советский (1945–1991 гг.) и российский (1992–2006 гг.).

Ориентиры историко-партийной науки зависели от объективных и субъективных факторов развития КПСС. Поэтому в советской историографии темы целесообразно обозначить четыре этапа: вторая половина 1940-х – начало

1950-х гг., середина 1950-х – первая половина 1960-х гг., середина 1960-х – середина 1980-х гг., середина 1980-х – начало 1990-х гг.

На первом этапе обобщение вопросов перестройки организационно-партийной работы и проблем кадровой работы проходило под влиянием произведений И.В. Сталина и других партийных деятелей. Формулировки о подборе кадров, правильном сочетании политической и хозяйственной работы, выведенные И.В. Сталиным, использовались во всех изданиях, посвященных деятельности парторганов. В основном это были научно-популярные брошюры, стенограммы лекций для системы политического просвещения, доклады партийных руководителей.¹

Анализируемая в работе проблематика нашла отражение в кандидатских диссертациях Г.Ф. Авилушкина, Е.Ф. Агафоненкова, А.К. Колесникова, И.А. Фомина, В.Г. Черемных и др. Они представляли собой рефераты сочинений И.В. Сталина, постановлений съездов и пленумов ЦК ВКП(б), были компилятивны и апологетичны. Их авторы обычно игнорировали архивные источники, материалы региональных и местных парторганов.²

Второй этап советской историографии проблемы приходится на годы «оттепели» и характеризуется попытками рассмотрения вопросов подбора и расстановки партийных кадров с позиций устранения последствий культа личности Сталина. Бесспорным достижением историков середины 1950-х – начала 1960-х гг. стало внедрение локального архивного материала в публикации. Некоторым ученым удалось выявить основные трудности, с которыми столкнулись местные парторганы при переходе к мирному времени.³

¹ Белобородов А.А. О некоторых вопросах организационно-партийной работы в современных условиях. – Челябинск, 1946; Котельников П.И. Подбор, расстановка и воспитание кадров. Стенограмма лекции. – М., 1945; Слепов Л.А. Подбор кадров, их выдвижение и расстановка. – М., 1948; Фомин И.А. Подбор, расстановка и воспитание кадров. – М., 1953; Шаталин Н.Н. О работе с кадрами. – М., 1944.

² Авилушкин Г.Ф. XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза о подборе, расстановке и воспитании партийных и государственных кадров. – Л., 1954; Агафоненков Е.Ф. Марксистско-ленинское воспитание руководящих партийных и советских кадров в послевоенный период (1946–1950 гг.). – М., 1952; Колесников А.К. Подбор кадров и проверка исполнения – главное в организационной работе коммунистической партии Советского Союза. – М., 1954; Фомин И.А. Борьба Коммунистической партии за улучшение подбора, расстановки и воспитания руководящих партийных и советских кадров в послевоенный период (1946–1954 гг.). – М., 1954; Черемных В.Г. Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за подбор, расстановку и воспитание руководящих партийных и советских кадров в четвертой пятилетке. – М., 1954.

³ Аврех Л.И. Тамбовская партийная организация в борьбе за послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства. (1945–1953 гг.). – Тамбов, 1961; Лосев А.В. Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства. (1945–1964 гг.). – Воронеж, 1965; Толкачев В.Г. Роль коммунистической партии по подбору, расстановке и воспитанию руководящих партийных кадров в послевоенный период (1945–1950 гг.) (На материалах Казахстана). – Алма-Ата, 1956; Хрипко Н.П. Деятельность по подбору, расстановке и воспитанию партийных кадров в четвертой пятилетке. 1946–1950 годы. (На материалах Белорусской ССР). – Минск, 1956, и др.

На третьем этапе количественный объем публикаций по истории партии существенно возрос, заметно расширилась их тематика. В наибольшей степени проблема диссертации затрагивалась в исследованиях, посвященных партийному строительству, подбору и подготовке партийных кадров.

Особый интерес представляют работы, посвященные изменению организационной структуры высших и местных партийных органов.⁴ В них показана эволюция сети органов ВКП(б) в соответствии с теми задачами, которые стояли перед страной после войны. Особый интерес представляет работа Л.А. Малейко, который исследовал специфику организации партийного аппарата по функциональному и производственно-отраслевому принципу.⁵

Среди достижений советской историографии середины 1960-х – середины 1980-х гг. можно назвать появление трудов, посвященных панорамному обзору и отдельным аспектам истории партийных организаций регионов РСФСР. Здесь, как правило, внимание заострялось на деятельности КПСС по восстановлению и развитию народного хозяйства.⁶ Тем не менее, некоторые исследования были специально посвящены организационной работе местных органов ВКП(б). Среди них стоит отметить работы О.М. Рощенко и М.И. Уральского, где был рассмотрен процесс восстановления нормального функционирования партийных органов Южного Урала, показаны основные механизмы их кадрового обеспечения.⁷

Начавшаяся в период «перестройки» либерализация внутрипартийной жизни сказалась на состоянии историографии. Расширился список тем, в научный оборот были введены наработки зарубежных историков, стали применяться методы междисциплинарного исследования.

Критика кадровой политики КПСС отразилась в публикациях обществоведов, участвовавших в дискуссии по проблеме бюрократии. В работах

⁴ Абрамов Б.А. Организационно-партийная работа КПСС в годы четвертой пятилетки // Вопросы истории КПСС. – 1979. – № 3; Беляков В.К., Золотарев Н.А. Организация удесятяет силы. Развитие организационной структуры КПСС. 1917–1974 гг. – М., 1975; Организационно-партийная работа. Из истории партийного строительства. Вып. 2 / Сост. Н.А. Золотарев, П.И. Котельников. – М., 1973. и др.

⁵ Малейко Л.А. Партийный аппарат: становление и развитие (1917–1941 гг.). – Ростов, 1981. – С. 97–102, 105–114, 119.

⁶ Галигузов И.Ф. Партийное руководство развитие промышленности Урала (1946–1961 гг.). – Саратов, 1983; Идеям партии верны. Т. 2. Свердловская областная организация КПСС. 1903–1981. Хроника. – Свердловск, 1983; Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 2. – Свердловск, 1974; Очерки истории Пермской областной партийной организации. – Пермь, 1971; Очерки истории Челябинской областной организации КПСС. 1917–1977. – Челябинск, 1977.

⁷ Рощенко О.М. Организационная работа партийных организаций Южного Урала в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.). – М., 1974; Уральский М.И. Организационная и идеологическая работа партийных организаций Челябинской области в годы четвертой пятилетки // Сборник научных трудов Челябинского политехнического института. № 126. – Челябинск, 1973.

В.П. Макаренко, Е.В. Охотского содержится анализ возникновения и функционирования бюрократии в социалистическом обществе, делается вывод о монополизации партийным аппаратом властных полномочий.⁸ В этих рамках предпринимался пересмотр истории партии послевоенного периода.

Наиболее значимыми в этой связи представляются работы В.А. Яцкова и Л.А. Ющенко. В.А. Яцкова выдвинул тезис о трех поколениях партийных кадров, каждое из которых по своим профессиональным и личным качествам соответствовало определенному периоду истории СССР.⁹ Л.А. Ющенко, изучавший историко-партийную историографию второй половины 1940-х – середины 1980-х гг., указал на схематизм в освещении деятельности местных парторганов, игнорирование исследователями множества недостатков в их работе.¹⁰

Для российского периода историографии характерен методологический плюрализм, который позволил расширить спектр аспектов изучаемой проблемы. Наибольший интерес ученых вызывал феномен номенклатуры, в котором видели сущность сложившейся в СССР системы власти. В этом направлении проводились основные исследования по истории КПСС вплоть до конца 1990-х гг. Поскольку количество трудов, посвященных номенклатуре, велико, их целесообразно разделить на историко-политологические и исторические исследования.

К первой группе работ можно отнести работы Г.К. Ашина, Д.В. Бадовского, О.Т. Джавланова, А.Г. Каратуева, О.В. Крыштановской, В.А. Михеева, О.Г. Мясникова, Б.М. Пугачева, В.Б. Слатинова.¹¹ Эти ученые, не обосновывая выводов архивными материалами, выстраивают периодизацию истории номенклатуры, показывают закономерность ее возникновения и демонтажа.

⁸ Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. – Ростов-на-Дону, 1989; Охотский Е.В. Партийные кадры: диалектика мышления и стиль политической деятельности. – М., 1989, и др.

⁹ Яцков В.А. Кадровая политика КПСС: опыт и проблемы. Автореф. дис. ... док. ист. наук. – М., 1988. – С. 33–35.

¹⁰ Ющенко Л.А. Основные направления деятельности Коммунистической партии в послевоенные годы (1946–1959). Историография проблемы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989. – С. 11–12.

¹¹ Ашин Г. Смена элит // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1; Бадовский Д.В. Трансформация политической элиты России – от организации профессиональных революционеров к «партии власти» // Политические исследования. – 1994. – № 6; Джавланов О.Т., Михеев В.А. Номенклатура: эволюция отбора. Историко-политологический анализ. – М., 1993; Каратуев А.Г. Советская бюрократия. Система политико-экономического господства и ее кризис (1919–1991). – Белгород, 1993; Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М., 2005; Мясников О.Г. Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка»? // Политические исследования. – 1993. – № 1; Пугачев Б.М. Развитие советских и постсоветских элит // Россия и современный мир. – 1995. – № 2; Слатинов В.Б. Социальные аспекты формирования кадров государственного аппарата в переходный период (Историко-социологический анализ опыта 20-х годов). Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 1997.

Наиболее дискуссионными являются вопросы зарождения номенклатуры и характера ее эволюции в послесталинский период. Большинство исследователей сходятся в том, что номенклатура как особый механизм управления государством и обществом в целом сложилась к концу 1930-х гг.¹²

Иной позиции по данным вопросам придерживаются А.А. Зиновьев, Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов. А.А. Зиновьев считал, что в сталинский период существовало «народовластие», при котором высшая власть опиралась на энтузиазм населения и репрессивные органы. Партийно-государственный аппарат в то время был инструментом народовластия и только при Н.С. Хрущеве превратился в самостоятельную группу.¹³ А.И. Фурсов пришел к выводу о наличии в советском обществе демократической и номенклатурной тенденций, из которых первая выражала стремление масс участвовать в управлении страной, а вторая – попытки номенклатуры монополизировать власть. Пик противостояния этих тенденций А.И. Фурсов отнес к началу 1950-х гг.¹⁴

Исторических работ, посвященных проблеме номенклатуры, немного. Большинство историков сосредоточило свое внимание на процессе становления номенклатурной системы. Такие исследователи как О.С. Березкина, С.А. Кислицын, Т.П. Коржихина, Г.Л. Олех, И.В. Павлова, В.П. Пашин, Ю.П. Свириденко, Ю.Ю. Фигатнер занимались вопросами формирования номенклатурных кадров, выработки механизмов их функционирования в 1920-е – 1930-е гг.¹⁵

Многие историки в последнее время обращаются к теме становления региональной политической элиты, выявляя объективные и субъективные факторы ее развития, акцентируя внимание на ее профессиональном, социальном, психологическом облике. Наиболее значимыми в этом ряду представ-

¹² Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. Книга 2: Апогей. – Екатеринбург, 1997; Павлова И.В. Сталинизм: Становление механизма власти. – Новосибирск, 1993; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. – Новосибирск, 2000; Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – Брянск, 1996. и др.

¹³ Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. – М., 1994. – С. 187–188, 320.

¹⁴ Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис: политические исследования. – 2001. – № 4; Фурсов А.И. Номенклатурные сатурналии // Литературная газета. – 2006. – 22–28 февраля.

¹⁵ Березкина О.С. Коммунистическая элита: сущность, технология власти (1921–1927 гг.): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 1997; Кислицын С.А. Большевицкая политическая элита 20-х–30-х годов: Личность и власть: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 1994; Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. – 1993. – № 7; Олех Г.Л. Олигархическая и демократическая тенденции в РКП(б) в начале 20-х гг. (На материалах Сибири): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1996; Павлова И.В. Сталинизм: Становление механизма власти. – Новосибирск, 1993; Пашин В.П., Свириденко Ю.П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания. – М., 1998.

ляются труды О.Ю. Винниченко, А.Б. Коновалова, В.П. Мохова.¹⁶ Несомненным их достоинством является обширная источниковая база, использование архивных материалов. Кроме того, активно публикуются работы, посвященные персоналиям партийных руководителей различных регионов РСФСР.¹⁷

Другим направлением в российской историографии, затрагивающим проблему изменения функций и состава парторганов, является изучение взаимоотношений в высшем эшелоне власти, борьбы его руководителей и группировок в 1945–1953 гг.¹⁸ Обобщением накопленных по этой теме материалов стали монографии А.А. Данилова и А.В. Пыжикова, Ю.Н. Жукова. Эти авторы воспроизвели процесс выбора стратегии развития высшим руководством СССР в условиях начавшейся холодной войны, отметили изменения в соотношении разных структур в системе власти.¹⁹

Предположения о сути изменений в советском обществе и власти в послевоенные годы выдвинули некоторые филологи и экономисты. Так, В.В. Кожин обосновал тезис о начале «оттепели» в конце 1940-х гг.²⁰ Анализируя ожидания в обществе, попытки изменить баланс в системе управления в пользу госструктур Г.И. Ханин пришел к выводу о подготовке высшим руководством социально-политических реформ.²¹ В этой связи особое значение приобретают исследования, посвященные характеру и формам взаимодействия различных слоев общества и власти.²²

¹⁶ Винниченко О.Ю. Советы Урала в механизме тоталитарного государства. 1929–1941. – Курган, 2001; Коновалов А.Б. Социально-профессиональная эволюция партийной номенклатуры Кузбасса (1943–1964 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1999; Мохов В.П. Региональная элита России (1945–1991 гг.). – Пермь, 2003.

¹⁷ Коновалов А.Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей, 1943–1991. – Кемерово, 2004; Курганская область: лидеры и время (1943–2003): Сборник документов. – Курган, 2003; Нечаева С.В. Лидеры политической элиты Челябинской области. 1934–2004 гг. – Челябинск, 2005; Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б)–КПСС и председатели облисполкома, 1934–1991: Биографический справочник. – Екатеринбург, 2003. и др.

¹⁸ Зубкова Е.Ю. Кадровая политика и чистки в КПСС 1949–1953 // Свободная мысль. – 1999. – № 3–4; Пихоя Р.Г. О внутривластной борьбе в советском руководстве. 1945–1958 // Новая и новейшая история. – 1995. – № 6; Пыжиков А. Ленинградская группа: путь во власти // Свободная мысль – XXI. – 2001. – № 3.

¹⁹ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР и первые послевоенные годы. – М., 2001; Жукон Ю.Н. Сталин: тайны власти. – М., 2005.

²⁰ Кожин В.В. Россия. Век XX-й. (1939–1964). Опыт беспристрастного изучения. – М., 2002. – С. 346–385.

²¹ Ханин Г.И. «Оттепель» и «перестройка» начались... при Сталине? (В порядке гипотезы) // ЭКО. Экономика и организация промышленного производства. – 2005. – № 9.

²² Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М., 1999; Кожников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. – 1997. – № 4; Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 (на материалах Западной Сибири): Монография. В 2-х ч. Ч. 1. «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953 гг.) – Омск, 2001; Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. – М., 1997. и др.

В зарубежной историографии деятельность КПСС исследовалась, как правило, с точки зрения концепций тоталитарной элиты и «нового класса».²³

Завершая обзор литературы, можно сделать следующие выводы. В советской историографии был накоплен определенный фактический материал, в научный оборот введены некоторые статистические данные по составу номенклатуры, в общих чертах воспроизведена история местных парторганизаций. В российской историографии исследован генезис номенклатурной системы и воспроизведена ее эволюция. Однако большинство этих работ носит теоретический характер, охватывает узкий круг вопросов. Региональные исследования еще не получили широкого распространения. Таким образом, состояние историографии свидетельствует об отсутствии комплексного исследования по проблеме функций и кадрового состава партийных органов Урала в первые послевоенные годы.

Объектом исследования в работе выступают областные, городские и районные организации ВКП(б)–КПСС на территории Урала.

Предметом исследования является процесс изменения функций и личного состава партийных органов Урала в 1945–1953 гг.

Хронологические рамки исследования охватывают 1945–1953 гг., то есть период так называемого «позднего сталинизма». Нижняя временная граница выделена в соответствии с окончанием Великой Отечественной войны, началом перехода СССР к мирной жизни. Верхняя хронологическая граница определена мартом 1953 г., когда в связи со смертью И.В. Сталина социально-политическая обстановка в стране существенно изменилась.

Территориальные рамки данной работы включают три уральские области – Молотовскую (Пермскую), Свердловскую и Челябинскую. Данные области представляли собой основу различных частей Урала: западной, средней и южной. Здесь сосредоточилось промышленное производство региона, что придавало этим областям огромное значение в народном хозяйстве страны и обеспечивало особое внимание высшего руководства.

Цель исследования состоит в определении основных направлений и характера изменений функций и личного состава партийных органов Урала в первые послевоенные годы (1945–1953 гг.).

²³ Авторханов А.Г. Происхождение партократии. Т. 2. ЦК и Сталин. – Франкфурт-на-Майне, 1983; Восленский М.С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. – М., 1991; Джилас М. Лицо тоталитаризма: Сб. – М., 1992.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- рассмотреть изменения ключевых направлений работы местных партийных органов;
- выявить главные причины реорганизаций партийного аппарата и определить их роль в попытках высшего руководства изменить функции партии;
- проследить основные изменения в принципах подбора партийных кадров;
- изучить механизм кадрового обеспечения партийного аппарата;
- проанализировать источники пополнения, количественный и качественный состав партийных кадров;
- исследовать организацию рабочего процесса в партийных органах;
- определить характер взаимоотношений партработников друг с другом и с рядовыми коммунистами в исследуемый период.

Источниковая база исследования. Сформулированные в работе цель и задачи потребовали использования в качестве источниковой базы исследования большого массива неопубликованных документов, извлеченных из 15 фондов 2 центральных и 3 региональных архивов: Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного общенационально-политического архива Пермской области (ГОПАПО), Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО).

Критерием классификации архивных документов явилась совокупность признаков происхождения, содержания и формы источников. Согласно этим признакам можно выделить следующие группы архивных источников.

Директивные документы высших партийных органов: постановления заседаний Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б); проекты постановлений ЦК ВКП(б); записки и информации в Секретариат ЦК о работе местных парторганизаций, негативных явлениях среди партработников; указания, инструкции отделов и управлений ЦК; материалы КПК при ЦК ВКП(б). Эта группа документов позволяет воспроизвести процесс выработки решений по важнейшим вопросам внутрипартийной и кадровой работы.

Организационно-распорядительная документация местных парторганов: стенограммы и протоколы конференций, пленумов, активов, заседаний бюро

партийных комитетов; указания и инструкции обкомов партии горкомам и райкомам, переписка между ними; отчеты, справки отделов обкомов, горкомов и райкомов партии; биографические материалы, бюджеты парторганов, переписка с территориальными органами МВД и МГБ.

Статистические отчеты – источники, которые содержат сведения об укомплектованности, утверждаемости и качественном составе партийных кадров. Отчеты составлялись периодически, что позволяет точно проследить по ним динамику количественных и качественных показателей кадров.

Воспоминания и личная переписка несут на себе печать субъективности, однако по ним можно воссоздать рабочую атмосферу в партийном аппарате, получить сведения о некоторых явлениях партийной жизни.

При исследовании проблемы широко использовались опубликованные документы и материалы. Среди них можно выделить: официальные документы ВКП(б)–КПСС (Уставы и программы, резолюции, стенограммы пленумов, съездов); выступления высшего и местного партийного руководства; материалы периодической печати (материалы печатных органов ЦК и областных организаций ВКП(б)–КПСС); воспоминания и мемуары.

Методологической основой исследования является принцип историзма, в соответствии с которым процесс изменения функций и состава партийных органов Урала исследуется в связи с социально-политическими реалиями «позднего сталинизма». Принцип историзма сочетается с принципом объективности, позволяющим всесторонне изучить деятельность местных партийных органов в первые послевоенные годы, избегая односторонности суждений и оценок.

Решение поставленных в диссертации целей и задач предполагает использование общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция) и специально-исторических методов. Применение сравнительно-исторического метода позволяет выявить общее и особенное в деятельности партийных организаций различных регионов страны, определить внутрорегиональную специфику. Проблемно-хронологический метод необходим для изучения важнейших сюжетов из жизни местных комитетов партии.

Особое значение для работы имеет системный метод, при помощи которого удалось проследить перипетии борьбы в высшем руководстве страны по поводу изменения роли партии, выяснить причины, по которым реформы были свернуты. Также применялся структурно-функциональный метод, по-

зволнивший определить положение местных парторганов в системе управления. Для анализа стиля руководства партработников и причин кадровых чисток 1949–1950 г., использовался биографический метод. Статистические (количественные) методы нашли применение при обработке статистических данных и составлении сравнительных таблиц, характеризующих тенденции в составе партийных кадров.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она представляет собой первое специальное исследование по теме изменения функций и кадрового состава партийных органов Урала в первые послевоенные годы.

В работе показаны механизм выработки основных направлений реформы партийных органов и проведение на местах перестройки их работы в первые послевоенные годы. Проанализированы цели, ход и результаты реорганизаций партаппарата в 1945–1953 гг.

В диссертации подробно рассмотрена кадровая работа местных органов ВКП(б), определены изменения в источниках пополнения аппарата, динамика качественных характеристик партийных работников Урала. Также выявлены механизмы регуляции деятельности местных партийных органов со стороны вышестоящих органов и партийных масс.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что выводы, полученные в ходе исследования, введенные в научный оборот источники и статистические данные, могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории Урала и СССР. Материалы исследования могут быть применены при разработке общих и специальных курсов по проблемам послевоенной социально-политической истории СССР. Результаты работы возможно применить для сравнения тенденций социально-политического развития различных регионов страны.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования отражены в трех публикациях и выступлениях на региональных научно-практических конференциях (Челябинск, 2005). Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России Южно-Уральского государственного университета.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, формулируется объект и предмет исследования, обосновываются хронологические и территориальные рамки, анализируется степень изученности проблемы, определяются цель и задачи, методологические основы работы, характеризуется ее источниковая база, раскрываются научная новизна и практическая значимость полученных результатов.

В **первой главе** «Попытки трансформации функций и структуры партийных органов в послевоенный период» рассматривается процесс перестройки сети местных организаций ВКП(б) на мирный лад и дальнейшие ее преобразования в первые послевоенные годы.

В **первом параграфе** «Основные направления работы партийных органов в послевоенный период» исследуются изменения в компетенции партийных органов в 1945–1953 гг., определяются их причины и характер.

После окончания Великой Отечественной войны перед властью стояла задача восстановления народного хозяйства и укрепления политического режима. Решение данной задачи потребовало нормализации деятельности системы управления. Это, прежде всего, означало перераспределение полномочий партийных органов, которые в годы войны ведали экономикой, в пользу советских и хозяйственных структур. Летом 1945 г. было объявлено о перестройке парторганов, но началась она только весной 1946 г. Задержка была вызвана тем, что комитеты ВКП(б) на местах руководили конверсией, а также отсутствием в высшем руководстве единой точки зрения на характер перестройки.

После успешных для власти выборов в Верховный Совет СССР высшее руководство взяло курс на сужение влияния партии в экономической и общественной жизни. Подобные попытки предпринимались и ранее, в 1939 г., в 1944 г., но по ряду причин не имели успеха. Перестройка началась с обновления личного состава и реорганизации ЦК ВКП(б). Были упразднены отраслевые отделы и созданы функциональные управления. Ключевые посты в ЦК ВКП(б) заняли представители «ленинградской группы», их сторонники из числа секретарей уральских обкомов (Н.И. Гусаров, С.Д. Игнатьев, Н.С. Патоличев). Работу по проведению реформы возложили на Управление по проверке парторганов, которым руководил Н.С. Патоличев.

В течение мая–июля 1946 г. ЦК ВКП(б) определило направления перестройки парторганов. Основными из них стали улучшение кадровой работы и профессионализация кадров, укрепление массово-пропагандистской работы. Содержание еще одного направления – усиления внутривнутрипартийной работы – вырабатывалось при активном участии партийных организаций Урала. Выбор центра обусловило то, что в данном регионе парторганы не были столь заняты восстановлением хозяйства, могли уделить внимание устранению типичных недостатков в своей работе. На пленумах Свердловского и Челябинского обкомов ВКП(б) в июне–июле 1946 г. под усилением внутривнутрипартийной работы понимали отказ от выполнения функций Советов и хозяйственных структур (подмены и мелочной опеки), изменение методов работы (восстановление коллегиальности, устранение администрирования и т.д.), улучшение идейно-политической подготовке руководящих работников и рядовых коммунистов.

Однако в силу ряда причин этот проект пришлось откорректировать. Обострение международной обстановки, трудности с конверсией, неурожай 1946 г. вынудили высшее руководство отложить реформу партийных органов, которые тогда являлись наиболее действенным инструментом управления. В связи с демобилизацией особое значение приобрела проблема регулирования состава партийных рядов. Данное обстоятельство, равно как и разногласия между сторонниками преобразований (А.А. Ждановым и А.А. Кузнецовым) привели к смещению акцентов в сторону идейно-политической подготовки кадров и рядовых коммунистов, что получило закрепление в постановлениях ЦК ВКП(б) от 26 июля 1946 г. и от 2 августа 1946 г. В итоге замысел пересмотра функций партийных органов оказался нереализованным.

В 1947–1948 гг. предпринимаемые в данном направлении усилия носили характер срочных кампаний, поэтому не обеспечили переориентации на внутривнутрипартийную работу. Вследствие этого в деятельности партийных органов Урала и других регионов страны, которые занимались преимущественно хозяйственными вопросами, перестройка практически не проводилась. Это было обусловлено и тем, что многие партработники среднего и низшего звена, привыкшие к стилю работы военного времени или не знавшие партийной работы, не осознавали необходимости преобразований.

Итоги четвертой пятилетки вскрыли необходимость повысить эффективность управления экономикой, что подтолкнуло к новой попытке пере-

смотре компетенции парторганов. Ее инициатором выступил Г.М. Маленков, который в 1939 и 1944 гг. уже выступал с подобными предложениями. В 1950–1952 гг. на страницах центральных изданий вновь были актуализированы положения, сформулированные в 1946 г. Официально же курс на ограничение деятельности партии преимущественно кадровой и идеологической работой был зафиксирован в постановлениях XIX съезда КПСС. Поскольку эта кампания была организована сверху, она не получила широкой поддержки у работников местных партийных органов. В силу формального отношения к ней партийного аппарата и непродолжительного времени реализации она не принесла ожидаемого эффекта.

Во **втором параграфе** «Реорганизации аппарата местных партийных органов» прослеживаются причины, ход и результаты тех изменений в структуре парторганов, которые проводились в первые послевоенные годы.

Первые реорганизации партийного аппарата пришлось на лето 1945 – зиму 1946 гг. Их цель состояла в сокращении компетенции парторганов по управлению промышленностью, прежде всего, военной и местной. Реорганизации были ограничены по масштабам, поскольку затронули только обкомы и горкомы крупных городов Урала и свелись к ликвидации ряда отраслевых отделов. В целом эти мероприятия стали отработкой механизмов более существенной реорганизации партаппарата.

Перестройка весной 1946 г. аппарата ЦК ВКП(б), заключающаяся в упразднении отраслевых отделов и создании функциональных Управлений, проявила стремление высшего руководства уменьшить роль партии в управлении экономикой. Принципы этой реорганизации были положены в основу разработанного в мае–июле 1946 г. под руководством А.А. Жданова и Н.С. Патоличева плана реорганизации местных парторганов. Осенью предполагалось провести сокращение штатов парторганов (обкомов, крайкомов и горкомов на 20 %, райкомов на 12 %), прежде всего, за счет сокращения промышленных отделов. Однако в силу того, что это меры могли дезорганизовать работу аппарата, занятого конверсией промышленности и уборочной кампанией, и по причине занятости А.А. Жданова, реализацию проекта отложили. Новый проект, подготовленный в ноябре–декабре 1946 г., был компромиссным, поскольку предполагал сокращение штатов только горкомов и райкомов ВКП(б) и за счет уставных отделов (кадров, пропаганды и агитации). Но и он не прошел стадии утверждения.

Местные парторганы были заинтересованы в обратном – увеличении штатов, что позволило бы решить проблему перегруженности работой. Рост числа партийных работников обеспечили посредством создания новых отделов, введения дополнительных должностей, выделения городов и разукрупнения районов. Так, в 1945–1946 гг. в Свердловской области были созданы 4 горкома и 6 райкомов, а в Челябинской – 2 горкома и 4 райкома. В результате подобных мер численность аппарата парторганов Урала за весь период выросла на 11–12 % по ответственным и на 8 % по техническим должностям.

Необходимость устранить «излишества» военного времени обусловила реорганизации 1947–1948 гг. Они прошли под руководством М.А. Суслова, возглавившего Управление по проверке партийных органов и заинтересованного в укреплении своего положения. В мае–июне 1947 г. за счет упразднения ряда отраслевых отделов сократили аппарат обкомов ВКП(б). Сокращение было дифференцированным: штаты Челябинского обкома уменьшились на 25,5 %, Молотовского – на 20,5 %, а Свердловского – на 19,5 %. В декабре 1947 – январе 1948 гг. по аналогичному сценарию были реорганизованы горкомы ВКП(б), в результате чего они лишились от 10 до 20 % штатных работников. Следующее сокращение было вызвано урезанием в июне 1948 г. фонда заработной платы на 6 %. Данную задачу уральские обкомы партии решали по-разному. Молотовский обком провел равномерное сокращение штатов всех парторганов, Свердловский обком упразднил промышленные отделы в райкомах. Челябинский ОК ВКП(б) сократил штаты только в крупнейших комитетах партии и укрупнил некоторые партийные организации.

Реорганизация 1948–1949 гг. была проведена по инициативе Г.М. Маленкова, стремившегося укрепить свои позиции. Официальной причиной перестройки объявили улучшение кадровой работы и проверки исполнения заданий партии и правительства, а ее содержание свели к восстановлению производственно-отраслевого принципа организации партийного аппарата.

На местах реорганизация прошла в два этапа. В октябре–ноябре 1948 г. были преобразованы аппараты обкомов ВКП(б), а в январе–мае 1949 г. – горкомов и райкомов ВКП(б). Последний этап затянулся из-за трудностей организационного порядка. Руководству пришлось, во-первых, распределять функции и участки работы, а во-вторых, практически заново ставить кадровую работу, в-третьих, в какой-то мере восполнить сокращение штатов. Реорганизация не дала ожидаемого эффекта. Из-за нарушения устоявшегося

режима работы и баланса групповых интересов деятельность аппарата в известной степени была дезорганизована. Реорганизация также способствовала укоренению ведомственности и ухудшению уровня кадровой работы.

В 1950–1952 гг. на местах предпринимались попытки откорректировать недавно прошедшую реорганизацию. В центр поступали просьбы о создании новых отраслевых отделов, увеличении штатов, но иногда предлагалось вернуться к прежней структуре, восстановить функциональные отделы.

Во второй главе «Изменения механизмов кадровой работы и состава партийных кадров Урала в 1945–1953 гг.» рассматриваются преобразования в постановке кадровой работы в местных партийных органах и динамика качественных характеристик партийных кадров.

Первый параграф «Главные изменения принципов подбора партийных кадров» посвящен изменению официальных установок и принципов подбора партийных кадров в первые послевоенные годы, проблеме их интерпретации и применения в практической деятельности местных парторганов.

После окончания войны принципы подбора кадров, сформулированные еще в 1930-е гг., существенно не изменились. Однако курс на профессионализацию кадров сказался на смещении приоритета в пользу делового признака, под которым понимали наличие образования не ниже среднего и опыта партийной работы. С этим же связана актуализация установки на выдвижение молодежи, которая помогла насытить аппарат подготовленными и инициативными людьми. Острейший дефицит кадров в 1945–1946 гг. обусловил установку и на выдвижение местных кадров. Она оставалась в силе на протяжении всего периода и способствовала формированию нового типа партработника, чья карьера проходила на «малой родине». Требование выдвигать женщин, провозглашенное в конце 1947 г., имело идеологическую подоплеку, и было вызвано вытеснение женщин из партийного аппарата.

На местах нововведения центра получили поддержку, так как соответствовали существовавшей практике. Некоторые из этих положений трактовались широко, по-своему. Так, деловой признак связывался не только с наличием у человека среднего и высшего образования, но и инициативности, дисциплинированности, организационных способностей, физического здоровья и желания работать в парторганах. Исключением стал лозунг выдвижения женщин, который, в силу традиционных представлений о месте женщины, на Урале был реализован не в полной мере.

Из-за дефицита кадров приходилось часто нарушать официальные принципы подбора. Имелось множество случаев, когда на партийную работу принимались политически неблагонадежные лица (дети раскулаченных, родственники осужденных, репатрианты и др.) или люди, не имевшие необходимых деловых качеств (с низшим образованием, без опыта партработы, без минимума партстажа, пожилые). Распространенным явлением стало выдвижение «случайных» людей.

В первые послевоенные годы подбор кадров часто производился по принципу родства и землячества, который осуждался и сверху, и снизу, но позволял быстро укомплектовать парторганы, создать в них нормальную рабочую атмосферу. К разряду негласных принципов, вытекавших из самой практики, можно также отнести подбор людей по наличию у них жилья.

Во **втором параграфе** «Постановка кадровой работы» выясняются уровень кадровой работы в партийных органах Урала, факторы и обстоятельства, способствовавшие и препятствовавшие ее нормальной организации.

Порядок работы с кадрами был выработан в 1930-е гг. и после войны, по сути, восстановлен посредством инструкций ЦК ВКП(б) и постановлений обкомов партии о работе с кадрами номенклатуры. Кадровая работа состояла тогда из выдвижения, утверждения (снятия), учета кадров и работы с резервом. Однако, как показывают архивные материалы, на деле все эти процедуры упрощались или не проводились.

Выдвижение работников, как правило, осуществлялось без тщательного ознакомления с ними, только по анкетным данным. В результате кадровики не всегда располагали полными сведениями даже по секретарям райкомов и горкомов, а в партаппарате оказывались «случайные» люди. Стремясь поправить положение, областное руководство пыталось ввести персональную ответственность за выдвижение, но эта инициатива не получила поддержки.

В обозначенный период проявилась тенденция на упрощение процедур рекомендации и утверждения партийных работников. В 1945–1946 гг. и в начале 1950-х гг. первая процедура часто подменялась кооптацией. Утверждение назначаемых работников обычно проходило без собеседования с ними, согласования кандидатуры между отделами, вызова на бюро комитета. Было немало случаев, когда человек по нескольку месяцев и лет работал без утверждения. Кадровики сознательно вводили этот своеобразный испытательный срок, чтобы сгладить недостатки в изучении кадров.

В большинстве горкомов и райкомов недостаточно внимания уделялось учету кадров. Личные дела заводились не на всех работников, содержали только анкетные данные и не пополнялись; статистические отчеты составлялись по памяти, причем сведения нередко искажались. Практически отсутствовал резерв на выдвижение или работа с ним была формальной, что не позволяло широко использовать его для пополнения партаппарата.

Причины обозначенных недостатков заключались в низком профессионализме кадровиков и большом объеме их работы. В 1945–1947 гг. из отделов кадров были изъяты наиболее ценные работники, которых сменили слабо подготовленные люди. В ходе реорганизации 1948–1949 гг. кадровая работа была децентрализована и передана в ведение всего аппарата. Кадровиков рассредоточили по отраслевым отделам, в которых не умели и не желали заниматься подбором кадров. Ситуацию не могло переломить и существенное (на 40–50 %) сокращение номенклатуры местных комитетов ВКП(б). В новой номенклатуре партработники являлись приоритетной группой: их доля в номенклатуре Молотовского ОК ВКП(б) в начале 1950-х гг. составила 41,5 %, Свердловского – 51,9 %, Челябинского – 25,6 %, а горкомов и райкомов – выросла до 26–35 %. Однако сосредоточить внимание на партийных кадрах не удалось по причине загруженности кадровиков непрофильной работой.

В **третьем параграфе** «Источники пополнения, количественный и качественный состав партийных кадров» определяются ведомственные источники рекрутирования; выявляются размеры и причины ротации, анализируется динамика качественных характеристик работников парторганов Урала.

Восстановление нормального функционирования партийных органов Урала в первую очередь проводилось по линии их обеспечения подходящими кадрами. Великая Отечественная война замедлила процесс формирования в регионе местных кадров. В эти годы состав кадров существенно обновился (в Свердловской области на 92 %, в Челябинской – на 75–80 %) за счет эвакуированных. В 1945–1946 гг., вследствие проведения реэвакуации, выявился крайний дефицит кадров. В наибольшей степени он проявился в городском и районном звеньях, в северных местностях. Для покрытия некомплекта и замены непригодных работников были расширены социально-ведомственные источники рекрутирования. Основными из них стали фронтовики (их доля в парторганах Урала достигла 35–40 %), ИТР, кадры народного образования и административных органов. К 1948 г. проблема укомплектования аппарата

была решена, что привело к ограничению источников его пополнения кадрами нижестоящих органов и выпускниками партийных учебных заведений.

В 1949–1952 гг. процесс стабилизации кадров Урала был нарушен. Линия на дальнейшее улучшение качественных характеристик работников, кадровые чистки 1949–1950 гг. привели к высокой сменяемости партийных кадров. Ее уровень в среднем по Уралу составил 36–38 %, в то время как по стране – 25–26 %. Однако положительные причины сменяемости (продвижение по службе, отправка на учебу) возобладали над негативными причинами (отстранение от должности, снятие по болезни и семейным обстоятельствам). Это способствовало улучшению личного состава партийных органов.

В течение первых послевоенных лет улучшился общеобразовательный уровень и партийно-политическая подготовка партийных кадров. Хорошие показатели демонстрировали обкомы партии: число работников с высшим и незаконченным высшим образованием за весь период увеличилось с 50–55 % до 80–82 %, а без среднего образования снизилось с 15–20 % до 4–5 %. Доля секретарей ГК ВКП(б) с высшим и незаконченным высшим образованием за 1945–1953 гг. выросла с 50 % до 70 %, а секретарей РК ВКП(б) – с 20 % до 60 %. Высокие показатели были достигнуты по группе заведующих отделами. Однако заметных сдвигов в уровне подготовки ответственных партийных работников не произошло: половина инструкторов и более трети пропагандистов ГК и РК ВКП(б) не имели среднего образования.

В национальном составе партийных кадров Урала в послевоенные годы обозначилось постепенное увеличение числа русских и представителей коренных национальностей региона (башкир, татар, коми) и уменьшение доли украинцев, белорусов и евреев. Эти тенденции вполне соответствовали изменениям в национальном составе партийных организаций и населения.

Изменение возрастных характеристик работников партийных структур Урала в послевоенный период проходило в двух направлениях. Во-первых, увеличился средний возраст работников обкомов (с 39 до 42 лет), секретарей горкомов и райкомов (с 38 лет до 39–41 года). Во-вторых, омолодились остальные категории партработников. Средний показатель по заведующим отделами снизился с 36–37 лет до 35,5 лет; доля молодых (до 35 лет) инструкторов и пропагандистов ГК и РК ВКП(б) увеличилась с 55–56 % до 67–70 %.

В первые послевоенные годы несколько уменьшился стаж работы по должности, что было вызвано быстрым продвижением по служебной лестнице

це. Но это не привело к снижению уровня профессионализма, так как улучшился стаж партийной работы. У обкомовских работников он вырос с 4,5 до 9 лет, у секретарей горкомов и райкомов – с 4,5 до 6 лет, а у заведующих отделами – с 3,5 до 5 лет. Средний стаж партийной работы у инструкторов к началу 1950-х гг. составил 2–3 года.

Сравнительный анализ показывает, что улучшение качественных характеристик партийных кадров на Урале происходило более интенсивно, чем в других регионах РСФСР. В целом кадровый потенциал Урала благодаря усилиям местного руководства и помощи центра стал весьма высоким.

Третья глава «Регулирование деятельности партийных органов Урала в послевоенный период» посвящена выявлению методов, при помощи которых центр контролировал деятельность партийных органов Урала в 1945–1953 гг.

В **первом параграфе** «Организация рабочего процесса в партийных комитетах» исследуются принципы и основные недостатки в организации повседневной деятельности аппарата, а также способы ее улучшения.

В первые послевоенные годы организации рабочего процесса в местных органах ВКП(б) уделялось особое внимание, так как это позволяло повысить их эффективность и подконтрольность. Деятельность аппарата основывалась на принципах, выработанных в 1930-х гг. и актуализированных после окончания войны постановлениями обкомов. Важнейшими из них были коллегиальность, планирование работы, систематическая проверка исполнения.

Коллегиальность, в условиях, когда парторганы занимались широким кругом вопросов, являлась эффективным механизмом согласования интересов различных ведомств и выработки компетентных решений. Но на практике коллегиальностью обычно пренебрегали. Частые заседания бюро, рассмотрение множества вопросов, неудовлетворительная их подготовка и обсуждение приводили к укоренению единоличного способа принятия решений. Подобная практика нередко порождала открытое недовольство советских и хозяйственных руководителей, партийных масс, и вынуждала областные комитеты ВКП(б) принимать жесткие, но малодейственные меры.

Планирование регулярно применялось только в обкомах и горкомах областных центров Урала. Это было вызвано невысокой культурой большинства партработников, их перегруженностью текущими делами. В работе местных партийных органов преобладал аврал, что наиболее ярко проявилось в институте уполномоченных. Известную упорядоченность в работу партаппа-

рата вносила проверка исполнения, которая осуществлялась в форме сбора сводок, выездов на места (инспекций), отчетов руководства на бюро вышестоящего органа. Но и в ней имелось множество недостатков.

Низкий профессионализм партийных кадров, наличие у многих работников военного опыта обусловили распространение командно-приказного стиля руководства и администрирования, дословного исполнительства. Все это обеспечивало выполнение простых и срочных видов работы, но не позволяло успешно решать более сложные и долговременные задачи.

Тем не менее, основанная масса партийных работников понимала необходимость четкой организации в деятельности аппарата. Это порождало стихийное стремление упорядочить выполнение должностных обязанностей, и целенаправленный поиск эффективных методов работы. Подобные инициативы работников проявлялись как в требованиях оказания им практической помощи, так и в возрождении некоторых традиций, например, института внештатных инструкторов. Энтузиазм в известной мере компенсировал недостаток знаний и опыта партийной работы, навыков руководства.

Во **втором параграфе** «Взаимоотношения работников местных партийных органов и рядовых коммунистов» охарактеризована атмосфера в партийных органах, выявлены причины и результаты кампании по восстановлению внутрипартийной демократии, кадровых чисток 1949–1950 гг. на Урале.

Дееспособность партийных органов во многом определялась характером взаимоотношений их работников. Они строились на основе должностной иерархии, но в силу небольших штатов аппарата, постоянного взаимодействия его работников по работе и в быту, приобретали личностный окрас.

Необходимость практически заново формировать партийные кадры в регионе, их постоянная и значительная ротация обусловили неоднородный состав партийного аппарата. Данное обстоятельство, а также наличие различных групповых, ведомственных интересов порождали разнообразные по содержанию и форме конфликты. Основными их разновидностями были противостояние секретаря и остального аппарата, несработанность между секретарями, трения между различными отделами, фронтовиками и тыловиками и т.д. Подобные конфликты часто нарушали нормальное взаимодействие в аппарате и негативно сказывались на общем уровне его работы.

Противоборствующие стороны обращались в вышестоящие инстанции или заручались поддержкой рядовых коммунистов. Последнему способство-

вало то, что одним из главных направлений перестройки парторганов стала кампания по восстановлению основ внутрипартийной демократии, организованная центром для усиления контроля над местным руководством. Партийные массы воспользовались этим для отстаивания своих интересов, прежде всего, посредством выборов партийного руководства. В 1945–1947 гг. благодаря этому стремлению значительно (до 50 %) обновился состав секретарей горкомов и райкомов партии. Поскольку такая активность низов грозила определенной дестабилизацией, местное руководство пыталось ограничить внутрипартийную демократию. Для этого нередко прибегали к кооптации, давлению на делегатов, нарушениям порядка выборов руководящих органов.

Уровень осознанности рядовыми коммунистами своих интересов показывает анализ их критических замечаний и предложений. Наиболее часто партийное начальство критиковалось за невыполнение своих обязанностей и неправильный стиль руководства (бюрократизм, канцелярщину, зажим критики). Подобные обвинения имели этическую, а иногда политическую окраску, приравнивались к измене общему делу. Широкое недовольство вызывали грубость партработников, их пренебрежение к рядовым коммунистам (высокомерие, барство). Морально-бытовое разложение и злоупотребление служебным положением расценивались как менее тяжкие проступки и редко являлись главными причинами критики или снятия партийных работников.

Взаимоотношения партийных работников и рядовых коммунистов в первые послевоенные годы развивались по двум основным направлениям. Либо партийное руководство вместе с административно-хозяйственным активом составляло обособленную группу и преследовало корпоративные интересы, либо оно исходило преимущественно из интересов местного населения. В последнем случае нередко приходилось вступать в конфликт с вышестоящими органами. Эти явления не различали между собой, хотя их можно обозначить как семейственность и местничество. Высшее и региональное руководство в равной степени боролось ними посредством как разовых акций, так и широких кампаний.

К числу последних относятся чистки 1949–1950 гг. в Молотовской и Челябинской областях. Их официальной причиной объявили невыполнение хозяйственных планов и насаждение семейственности. Но их причинами были также стремление группы Г.М. Маленкова упрочить свои позиции во власти за счет устранения в регионах сторонников ленинградской группы, а также

личные счета. Кадровые чистки на Урале, как и в северо-западных и центральных областях РСФСР, вылились в снятие секретарей обкомов, а затем широкую замену (до 30–40 %) руководства городского и районного звена. В силу особой значимости региона кампания прошла по мягкому сценарию, т.е. не повлекла физических репрессий, хотя отрицательно сказалась на рабочей атмосфере в партийных органах всего Урала. Но чистки имели и положительное воздействие: улучшилось выполнение хозяйственных планов, ускорились выдвижения молодых и более подготовленных кадров.

В заключении подведены итоги исследования и сделаны основные выводы.

В первые послевоенные годы в СССР основной задачей было восстановление народного хозяйства и стабилизация политического режима, что требовало нормализации системы управления. Она заключалась в перераспределении полномочий между партийными и административно-хозяйственными органами. Часть высшего руководства страны взяла курс на отстранение партийных органов от управления экономикой, сужение их функций до кадровой и идеологической работы.

Весной 1946 г. был реорганизован аппарат ЦК, а летом определены направления перестройки на местах. Важную роль в этом сыграли партийные организации Урала, на пленумах которых окончательно сформулировали содержание реформы. Успех перестройки должна была обеспечить реорганизация, состоявшая в упразднении отраслевых отделов и сокращении штатов. Однако из-за обострения международной обстановки и неурожая 1946 г. высшее руководство отложило перестройку парторганов, которые являлись действенным инструментом управления. Необходимость регулирования состава партийных рядов и разногласия между сторонниками преобразований также сказались на изменении первоначального плана. Акценты в перестройке сместились в сторону идеологической подготовки коммунистов.

Отдельные мероприятия, проведенные в 1947–1948 гг., не дали эффекта, поэтому перестройка в работе партийных органов Урала и других регионов страны в целом не удалась. Этому способствовала реорганизация партийного аппарата в 1948–1949 гг. и давно укоренившаяся традиция сводить партийную работу к решению хозяйственных вопросов.

Новая попытка переориентировать партийные органы была предпринята в 1950–1953 гг. В это время вновь актуализируются лозунги 1946 г. Курс на

ограничение функций партии кадровой и идеологической работой был зафиксирован в постановлениях XIX съезда КПСС. Однако его реализации на этот раз помешали противоборство в высшем руководстве, вызванное смертью Сталина, и скрытое сопротивление местных парторганов.

Кадровая работа в первые послевоенные годы стала одним из главных направлений в деятельности парторганов. Ее содержание сводилось к укомплектованию аппарата и насыщению его профессионалами. Несмотря на дефицит кадров, ограниченность источников выдвижения, слабую постановку кадровой работы партийным органам Урала удалось выполнить эти задачи. Были отлажены механизмы кадровой работы, решена проблема некомплекта, существенно улучшился качественный состав партийных кадров (возросло количество работников с высокой общеобразовательной, специальной, партийно-политической подготовкой). Таким образом, благодаря усилиям местных партийных органов и помощи центра к 1950-х гг. был завершен процесс формирования местных кадров, и кадровый потенциал Урала стал значительно выше, чем в других регионах страны.

Проведение преобразований центр связывал с усилением ослабшего за годы войны контроля над местными парторганами. Эта задача решалась тремя основными способами. Прежде всего, усилился контроль сверху: участилось инспектирование, жестче стала регламентация работы аппарата, проводилась кампания по борьбе с неправильным стилем руководства. Другим методом стало усиление контроля снизу, чему способствовали кампании по восстановлению внутрипартийной демократии, развитию критики и самокритики. Инициатива центра отвечала стремлению партийных масс выразить свою позицию по важнейшим вопросам. Однако местному руководству удалось значительно нейтрализовать активность рядовых коммунистов. В этом наиболее ярко выразилось усиление номенклатурной тенденции в среде партийных работников. Вместе с тем получила развитие демократическая тенденция, которая выразилась в стремлении руководства ряда комитетов ВКП(б) к тесному сотрудничеству с населением, отстаиванию интересов города или района перед вышестоящими инстанциями.

Усиление контроля обеспечили и кадровые чистки, прошедшие на Урале в 1949–1950 гг. Они отличались от чисток 1937–1938 гг. причинами, характером и масштабами. Главной их причиной стали интересы одной из групп в высшем руководстве страны. В ходе чисток состав партийных кадров обно-

вился больше чем на треть, но, вместе с тем, были преодолены некоторые недостатки в деятельности местных партийных органов.

Таким образом, в первые послевоенные годы часть руководства СССР попыталась воспользоваться ситуацией переходного периода для реализации возникшего еще в 1930-е гг. плана изменения роли партии. В силу ряда внутри- и внешнеполитических причин эти попытки успеха не имели, что обусловило усиление номенклатурной тенденции и предопределило развитие советской политической системы в сторону обособления власти от общества.

Основные положения и результаты диссертационного исследования изложены в следующих публикациях:

1. Федоров А.Н. Взаимоотношения в аппарате партийных органов Урала в 1945–1953 гг. // *Традиции и новации в отечественной духовной культуре: Сб. материалов Второй Южно-Уральской межвузовской научно-практической конференции* / Науч. ред. Н.П. Парфентьев. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. – С. 291–304.
2. Федоров А.Н. Перестройка партийных органов Урала в 1948–1949 гг. // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия «Социально-гуманитарные науки».* – № 7 (47) 2005 / Отв. ред. В.С. Балакин. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – С. 104–107.
3. Федоров А.Н. Фронтовики в партийных органах Урала в 1945–1953 годах // *Урал в 1941–1945 годах: экономика и культура военного времени: Материалы регионального научного семинара, Челябинск, 10 апреля 2005 г.* / Отв. ред. А.А. Пасс. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2005. – С. 197–209.